

М. М. Сывороткин, Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Саранск 2005, 524 с.

23 декабря 2005 г. на заседании диссертационного совета Д 212.301.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова состоялась защита докторской диссертации Михаила Михайловича Сывороткина на тему «Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона».

Работа выполнена на кафедре стилистики и культуры речи филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор В. Д. Бондалетов (Пенза), доктор филологических наук профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола), доктор филологических наук профессор В. И. Сергеев (Чебоксары).

Исследование этноязыковых контактов остается важной задачей лингвистики несмотря на неоднократно пред-

принимавшиеся опыты обобщения многообразного фактического материала как компаративистами, так и типологами и ареаловедами. Бесспорный интерес в этом плане представляет Окско-Волжско-Сурский полиэтнический регион, охватывающий правобережную (от Волги) часть Нижегородской области и территорию Республики Мордовия.

В лингвистическом отношении языки этого региона принадлежат к трем большим языковым семьям — индоевропейской (восточнославянской), тюркской и финно-угорской. По устойчивым и характерным признакам в морфологическом строении слова языки региона составляют два противоположных объединения: флективные и агглютинативные. Представителем первого является русский, ко второму относятся финно-угорские и тюркские, которые принадлежат к номинативной типологии и имеют ряд общих черт (сингармонизм гласных, отсутствие категории рода и др.). Поэтому определенные совпадения в их структуре, имеющие параллельные

явления в их системе, могут считаться типологическими схождениями или результатами конвергентных языковых изменений, вытекающих главным образом из типологических параметров. Языковые особенности русских говоров Окско-Волжско-Сурского региона, имеющих взаимосвязи с диалектами финно-угорских и тюркских языков, до настоящего времени изучены мало.

Тем самым тема работы М. М. Сывороткина актуальна и обращение к ней своевременно не только для решения научно-практических задач тюркологии, финно-угроведения и русистики, но и для разработки общетеоретических проблем сопоставительно-типологической лингвистики.

Структура исследования М. М. Сывороткина (524 с. компьютерного набора) отличается логичностью и стройностью. Оно состоит из введения (с. 7—17), основной части, включающей четыре главы (с. 18—453), заключения (с. 454—459), списка использованных словарей и картотек (с. 460—464), библиографического списка (с. 465—494), пяти приложений (с. 495—524); указателя использованных слов и их вариантов (с. 495—501); географических помет Республики Мордовия (с. 502—512) и Нижегородской области (с. 513—517); сокращений (с. 518—523); карты Окско-Волжско-Сурского региона (с. 524). Рубрики и подрубрики основной части примерно соразмерны друг другу как по структурному делению, так и по объему. В конце каждой главы имеются выводы (с. 91—92; 141—146; 306—310; 401—405, 449—453), краткие, но весьма емкие.

Однако названия отдельных словарей в списке использованных словарей и картотек являются недостаточно полными.

В работе поставлена цель — выявление в русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона заимствованных лексем из тюркских и финно-угорских языков и показ особенностей их адаптации (с. 12). При этом в центре внимания находится выборка диалектных тюркизмов и финно-угризм в лексической системе русских говоров, ус-

тановление ареала их распространения; определение и уточнение этимологии иноязычных лексических единиц и их систематизация по тематическим группам; лингвистический анализ заимствованной лексики и отдельных компонентов фразеологических единиц иноязычного происхождения с компаративистским обзором процессов их видоизменения на важнейших структурных ярусах (в фонетике, морфологии, словообразовании и семантике) с акцентом на их функционировании, смысловой наполненности, вариативности и сферы употребления (с. 12).

Исследование проводилось на основе комплексных методов, включающих традиционные подходы описания лексики, ее семантики, словообразования и т.д. С целью определения в сопоставляемых языках заимствованных элементов, образовавшихся в результате воздействия внешелингвистических факторов, применялись методы лингвистической географии и ареальной лингвистики. Схождения и расхождения в общих элементах языка-источника и языка-рецептора определялись с помощью сравнительно-сопоставительного метода.

Синхронный план исследования в работе смыкается с задачами историко-этимологического анализа при выяснении происхождения слов и восстановления их первоначальной семантики и исходного звукового облика.

Теоретической и методологической основой работы послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные общим и частным вопросам взаимодействия лингвистических ареалов и языковых контактов.

Во введении (с. 7—17) обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность; формулируются цель и задачи работы; указываются ареал, объект, источники и материалы исследования; интерпретируются лингвистические методы и приемы; раскрывается научная новизна исследования, его практическая и теоретическая значимость; отмечается апробация основных положений.

Давая обзор литературы по данной проблеме и высказывая при этом свое отношение к ряду положений, отражен-

ных в ней, М. М. Сывороткин справедливо обращает внимание на то, что работ, посвященных ареальным аспектам данной проблемы, крайне мало (с. 9).

Первая глава «Теоретические основы исследования» (с. 18—146) содержит анализ имеющихся разработок по теории заимствования в лингвистической литературе; освещение проблем славяно-русского взаимоотношения с финно-угорскими языками; описание истории заселения русскими Окско-Волжско-Сурского региона.

М. М. Сывороткин опирается на общие положения, имеющиеся в отечественном и зарубежном языкознании, которые, по его мнению, в равной мере приложимы ко всем формам существования национального языка: для литературного языка в его устной и письменной разновидностях, для территориальных и социальных диалектов, просторечия и других коммуникативно-языковых систем.

Определяя источники заимствований, он указывает, что в изучаемые диалекты они идут из языковых семей: а) тюркской (азербайджанский, башкирский, татарский, турецкий, чувашский и др.); б) финно-угорской (поволжские — марийский (горный и луговой), мордовские (мокша и эрзя), пермские (коми и удмуртский) и др.) (с. 19).

В связи с этим необходимо уточнить, что уже в раннюю эпоху существования древнерусского языка (XI—XIV вв.) его диалекты восприняли отдельные лексемы из древнетюркского языка и из языка древних болгар. Было бы ошибочно думать, что в лексической системе русских диалектов Окско-Волжско-Сурского ареала таких слов нет.

В разделе «Характер заимствуемого материала» сказано, что на диалектном уровне такие варианты (речь идет о лексических заимствованиях и лексических проникновениях) встречаются довольно часто, и с такой постановкой вопроса трудно не согласиться (с. 42). В этой связи возникает вопрос, какие слова из лексических проникновений можно привести в качестве примера?

При классификации причин лексического заимствования автор выделяет

экстралингвистические (внеязыковые) и интралингвистические (внутриязыковые) факторы, действующие в определенной последовательности и взаимосвязи (с. 42—45).

Характер влияния тюркских и финно-угорских языков на русские диалекты Окско-Волжско-Сурского региона определяется в работе преимущественно лексическими заимствованиями, но их влияние исследуется с обобщением интерферентных явлений и их типологической характеристикой. Особое внимание уделено разновидностям адаптации (фонетической, морфологической, словообразовательной, семантической) (с. 45—55).

Автор справедливо считает, что с процессом заимствования теснейшим образом связано варьирование иноязычной лексемы. Под вариантами вслед за С. А. Мызниковым он понимает слова, восходящие к одному этимону, обычно наиболее близкому к семантике слова языка-источника (с. 58).

Отдельный раздел первой главы посвящен истории заселения русскими Окско-Волжско-Сурского региона (с. 92—93). Интерпретация современной региональной картины сопровождается и подтверждается данными истории коренного населения этого региона — муромы, мещеры, мордвы (мокши и эрзи) и татар.

Вместе с тем концентрируется внимание и на эпизодах заселения русскими Нижегородского, Арзамасского, Алатырского и Саранского уездов (с. 112—128). На основании историографических данных делаются выводы о социальном составе первых русских поселенцев, о путях их проникновения в Окско-Волжско-Сурское междуречье и т.д. (с. 129—137).

В работе сделана попытка проследить эволюцию языковых фактов от древнейшего состояния до наших дней на основе анализа этнолингвистической карты Окско-Волжско-Сурского региона. Как явствуют этнологические сведения, карта эта штриховалась не раз, отмечая осколочные элементы отдельных этносов, занесенных либо колонизационными, либо другими волнами. В пределах

Окско-Волжско-Сурского региона в разные исторические эпохи с разной интенсивностью происходили миграции и инфильтрации племен, взаимодействие и интеграция разнородных этнокультурных компонентов, взаимоассимиляции и другие этнические процессы, обусловленные как импульсами социального развития самих этносов, так и воздействиями внешних факторов, что сказалось в первую очередь на топонимии, характеризующейся сложностью и состоящей из накладывающихся друг на друга пластов.

Каждый народ региона, живя в окружении других, имел разнообразные контакты со своим соседом. Они происходили либо в какой-то узкой полосе взаимоотношений, например только в области хозяйства или культуры, либо имели широкий диапазон и охватывали различные стороны народной жизни. Все эти взаимоотношения оказали определенное воздействие на язык народов региона, их материальную и духовную культуру.

Рассматривая первоначальную территорию проживания отдельных этногрупп, М. М. Сывороткин оперирует топонимическими данными, в частности, *п о т а м о н и м а м и* (собственными именами любой реки), *о й к о н и м а м и* (собственными именами любого поселения) (с. 99—102; 105—112). Следует, однако, отметить, что смысловое содержание некоторых топонимов истолковано неверно.

Отбор лингвистических данных разных языков на основе внешнего субстанционального сходства генетически не связанных лексем создает значительные трудности в определении исходного значения апеллятива, лежащего в основе географического названия. Примеры, основанные на отождествлении разных по происхождению слов по их чисто внешнему созвучию: *Вёрсма* — город в Павловском районе, ср. мар. *вурсо* 'война' и мокш. *варси* 'ворона' (с. 99); *Каргаи* (и *Каргаишино*) деревня в Сосновском районе, ср. марГ *кургаиш* 'проклинять', эрз. *карго* и мокш. *карга* 'журавль' (с. 99); *Салавирь* — деревня в Навашинском районе, ср. эрз. *салава*

'тихо' и *вирь* 'лес' или мар. *салаиш* 'косить' и *вер* 'место' (с. 99). Однако первый компонент ойконима-композицы восходит к доморд. **сяла* 'вяз', ср. мокш. *сяли*, эрз. *селей* 'вяз'. *Емангуши* (с вторичным вариантом *Емангаши*) — село в Лысковском районе: от заимствованного у татар эрз. диал. *еман* 'плохой' или, может быть, от эрз. *ёмомс* 'пропасть' (с. 109). Однако первый компонент ойконима-композицы восходит к чув. *юман/йоман* 'дуб', а второй — к финно-перм. **kuš* 'лесная поляна', ср. эрз. *кужо*, мокш. *кужа* 'поляна'.

Следует отметить, что точность интерпретации смыслового содержания и языковой принадлежности географического названия зависит от того, насколько последовательно в ней реализуются принципы системности и историзма.

Во второй главе «Современное состояние и адаптационные аспекты заимствованной лексики тюркского происхождения в русских говорах Окско-Волжского-Сурского региона» (с. 147—310) представлен ареальный лексикографический и этимологический анализ лексических единиц, заимствованных из тюркских языков (азербайджанского, башкирского, казахского, татарского, чувашского и др.), а через тюркское посредство — из арабского, иранского и т.д., выявленных автором исследования в ходе лингвогеографического обследования региона. Кроме того, приводятся лексические параллели из других русских говоров и мордовских языков.

М. М. Сывороткин распределил все тюркизмы по тематическим (лексико-семантическим) группам. Проведенный количественный анализ заимствованных из тюркских языков слов свидетельствует о количестве лексем в тематических группах: названия, характеризующие человека (с. 148—174) — 38; названия частей тела человека (с. 175—187) — 18; названия действий и процессов (с. 187—199) — 15; названия одежды и ее деталей (с. 199—216) — 17; названия обуви (с. 216—220) — 6; названия продуктов питания, напитков (с. 220—232) — 13; названия животных, частей их тела, рыб, насекомых (с.

232—237) — 6; названия предметов растительного мира, ландшафта (с. 238—250) — 12; название инструмента (с. 279—280) — 1; названия посуды (с. 251—259) — 5; названия предметов домашнего и хозяйственного назначения (с. 280—299) — 21; названия хозяйственных построек и их частей (с. 259—270) — 22; названия игр, абстрактных понятий и смежных процессов (с. 299—306) — 8. Всего выявлено 182 слова тюркского происхождения, не считая фонетических, морфологических и словообразовательных вариантов.

Отдельно рассматриваются фонетические модификации тюркизмов, анализируется механизм их морфологической адаптации, прослеживаются изменения в семантических блоках тюркских заимствований.

Кроме того, автор учитывает структуру заимствованных тюркских слов, которые разделены на две почти равные группы: а) лексемы, структура которых на иноязычной почве осталась неизменной (*баральк* 'вспаханный участок земли', *зеп* 'карман', *улис* 'окраина деревни', с. 309); б) лексемы, сохранившие тюркские корни и основы, но присоединившие русские словообразовательные суффиксы (тюрк. *ялан* 'поле' → рус. *елáнь* → *елáнка* (суфф. -к-) → *елáночка* (суфф. -очк-) 'полянка'; тюрк. *таган* 'станция' — рус. *тагáн* → *тагáнка* (суфф. -к-) → *таганóк* (суфф. -ок-) → *тагáночка* (суфф. -очк-) 'дуга; чугуи; печка', *тагáнить* (суфф. -и-, -ть-) 'готовить пищу на тагане') (с. 309).

Следует отметить, что данная глава богата ценными сведениями и информацией, поскольку механизм адаптации многих тюркизмов рассматривается впервые.

Третья глава «Современное состояние и адаптационные аспекты заимствованной лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона» (с. 311—405) посвящена лингвистическому анализу заимствований из финно-угорских языков.

М. М. Сывороткин распределил финно-угризм по тематическим (лексико-семантическим) группам. Проведенный

им количественный анализ дал следующие результаты: названия, характеризующие человека, его качества и свойства (с. 312—334) — 33; названия, обозначающие части тела человека (с. 334—338) — 5; названия действий и процессов, связанных с человеком (с. 338—346) — 12; названия одежды (с. 346—351) — 5; названия обуви (с. 351—353) — 3; названия продуктов питания, напитков (с. 353—358) — 7; названия предметов, связанных с домашним хозяйством (с. 358—375) — 18; названия животного мира (с. 375—378) — 6; названия растительного мира (с. 379—386) — 9; названия ландшафта (водоемов, почвы, рельефа и т.п.) (с. 387—395) — 10; названия абстрактных понятий, количества, игр (с. 395—400) — 7.

Всего выявлено 115 лексем (не считая фонетических, морфологических и словообразовательных вариантов) и отдельных компонентов диалектных фразеологизмов финно-угорского происхождения, функционирующих в настоящее время в русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона. М. М. Сывороткин подчеркивает, что проанализированные заимствования из финно-угорских языков, как и заимствованные тюркизмы в процессе освоения их русскими диалектами подвергаются многоаспектному воздействию со стороны последних (с. 405).

Завершая анализ указанной главы, нужно отметить, что с основными положениями, изложенными в ней, нельзя не согласиться. Однако отдельные слова финно-угорских языков фигурируют либо в искаженном облике, либо с неточным переводом: мар. *вер* 'высота (возвышенность)' (с. 316) — *вер* 'место; местность'; мар. *тюрвё, тырвы* 'губа' (с. 344) — *тjүрвö* 'губы, губа'; мар. *ријэг, рjүгэ* 'пиво с медом' (с. 355) — *пjүрö* 'брага', *мjй пjүрö* 'медовая брага, медовуха'; мар. *туйыс* 'посуда из бересты' (с. 373) — *тjјес* 'корыто (для рубки мяса, овощей)'; эст. *рој* (*рjо*) 'пазуха' — *рjи* 'пазуха'.

Коми3 *туны* 'дуб', удм. *тыны* 'дуб' М. М. Сывороткин ставит в один ряд с семантически идентичными словами других финно-угорских языков: эрз.

тумо, мокш. *тума*, фин. *tammi*, эст. *tamm*, мар. *тумо*, марГ *тум* (с. 343). Однако еще Ф. Кеппен в свое время отметил, что коми *тупу* и удм. *тыпы* переименованы из *дуба* (Ф. Кеппенъ, Матер. къ вопросу о первоначальн. родинѣ и первоначальномъ родствѣ индоевропейскаго и финно-угорскаго племени, С.-Петербургъ 1886, с. 16).

Для объяснения содержания многих лексем автор привлекает созвучные слова из разных языков, иногда далекие друг от друга по семантике и не имеющие генетических связей. Поэтому в работе встречаются слова, ближайшими соответствиями которых выступают гетерогенные омонимы. Так, *лашмина* 'низкое место на лугах' сопоставляется с *лашман* 'государственный крестьянин при заготовке корабельных лесов низовых губерний' (с. 391). Однако *лашмина* восходит к мокш. *лашма*, эрз. *лашмо* 'ложбина, долина', имеющим генетические связи с такими словами, как мар. *ложем* 'долина, ложбина', удм. *лазег* 'мелкий, неглубокий', коми *лаж*- в *лажмыд* 'отлогий, пологий, невысокий, неглубокий', которые этимологически, видимо, связаны с мар. *лакшак* 'яма', вепс. *laks* 'ложбина, овраг, низина', фин. *laakso*, *lakso* 'долина', эст. диал. *laks* 'ровное место' (В. И. Вершинин, Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков 2, Йошкар-Ола 2005, с. 203).

В четвертой главе «Взаимосвязь адаптационных процессов заимствованной лексики в русских говорах исследуемого региона» (с. 406—453) анализируются разновидности освоения русскими диалектами Окско-Волжско-Сурского междуречья иноязычных лексических единиц.

Автор определяет механизм взаимодействия исконных и чужеродных явлений, имеющих свою специфику в зависимости от языкового уровня, и выявляет общелингвистические тенденции освоения заимствованной лексики.

Большой интерес вызывает анализ многочисленных фонетических процессов в иноязычных словах, а также регулярных звукокорреспонденций и субституций.

Однако название раздела «Фонетико-графический процесс адаптации заимствований» (с. 406) следовало бы изменить на «Фонетический процесс заимствований» ибо модификации подвергаются нехарактерные звуки языка-источника, не имеющие эквивалента в языке-рецепторе. При этом сама графическая система остается неизменной, она лишь приспосабливается для передачи видоизмененных звуков. По мнению М. М. Сывороткина, в позиции первого предударного слога после твердых согласных выявлена *гиперкорректная замена этимологического -а- на -о-* под влиянием системного оканья, например: тюрк. *манара* 'башня, минарет' → рус. *монárка* 'верхняя женская одежда' (с. 408). В связи с этим возникает вопрос: каким смысловым содержанием наполнен термин «гиперкорректная»? Как известно, гиперкорректность — свойство форм (слов и т.п.), ошибочно «исправленных» на основании неправильного этимологизирования (О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, Москва 1966). Можно ли заменить этот термин словом регулярная?

Автор обоснованно отмечает, что все четыре аспекта адаптации заимствований (фонетико-графический, морфологический, словообразовательный и семантический) активно используются в русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона (с. 449).

Теоретическая часть работы завершается заключением (с. 454—459), содержащим выводы по четырем главам.

На основе анализа значительного фактического материала в работе выявлено около 300 заимствований (не считая фонетических и некоторых словообразовательных вариантов), в том числе 182 из тюркских и 115 из финно-угорских языков (с. 454).

М. М. Сывороткин подчеркивает, что большое число тюркизмов по сравнению с финно-угорскими словами обусловлено экстралингвистическими факторами. Русские и финно-угры на протяжении многих столетий жили бок о бок в одинаковых природно-климатических условиях, занимались одними и

теми же видами трудовой деятельности — охотой, рыболовством, бортничеством, земледелием и т.п. Тюркские народы вели в основном кочевой образ жизни на огромных открытых пространствах и в иных климатических условиях. Контакты русского и тюркских народов привели к появлению в диалектах Окско-Волжско-Сурского региона новых слов, которые обозначают новые реалии (ткани, одежду, фрукты и т.п.) или являются новыми названиями уже известных предметов (с. 454—455).

В работе встречаются отдельные неточности в переводах (с. 316, 373, 390), опечатки (с. 355, 412, 444), не имеющие существенного значения. Отмеченные неточности и погрешности

легко устранимы и не снижают общей положительной оценки исследования.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что М. М. Сывороткин разрешил многие ключевые вопросы русской диалектологии, сопоставительного и типологического языкознания, до сих пор остававшиеся нерешенными. По содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Они могут быть использованы при освещении проблем контрастивной грамматики, вопросов диалектологии и найдут применение в преподавании курсов сопоставительной типологии, русской диалектологии, социальной лингвистики в вузах республик Урало-Поволжского историко-географического региона.

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

SUBSCRIPTION INFORMATION FOR 2007

	INDEX	ISSN	SUBSCRIPTION PRICES (including delivery)	
			EUR	
			half year	year
SERIES OF PROCEEDINGS OF THE ESTONIAN ACADEMY OF SCIENCES				
Biology. Ecology	78152	1406—0914	45	85
Chemistry	78155	1406—0124	45	85
Engineering	78253	1406—0175	45	85
Physics. Mathematics	78156	1406—0086	45	85
OTHER JOURNALS				
Acta Historica Tallinnensia	78157	1406—2925		30
Estonian Journal of Archaeology	78158	1406—2933	17	30
Estonian Journal of Earth Sciences	78154	1736—4728	45	85
Linguistica Uralica	70880	0868—4731	45	85
Oil Shale	70236	0208—189X	55	108
Trames	78153	1406—0922	45	85

Subscription orders (order form available at <http://www.kirj.ee>) should be sent to:

Estonian Academy Publishers, Kohtu 6, EE-10130 Tallinn, Estonia.

Tel. (372) 6 454 504, fax (372) 6 466 026, e-mail asta@kirj.ee.

Ajakirju saab tellida aasta või kvartali kaupa kõigi Eesti ajakirjandusleviga tegelevate ettevõtete kaudu (Eesti Ajakirjanduslevi OÜ, Eesti Post, OU Kirilind) ja üksiknumbreid (ka varem ilmunuid) osta Teaduste Akadeemia Kirjastusest. Täpsem teave <http://www.kirj.ee/>.

LINGUISTICA URALICA. SUPPLEMENTARY SERIES

Volume 1. Estonian Language, Tallinn 2003

**Volume 2. Ilse Lehiste, Pire Teras, Toomas Help, Pärtel Lippus,
Einar Meister, Karl Pajusalu, Tiit-Rein Viits, Meadow
Mari Prosody, Tallinn 2005**